

СИБИРСКАЯ ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ДРАМА
МУЖСКОЙ ДЕТЕКТИВ

МАЙОР ВОЛКОВ ЧЕСТНАЯ ЗЕМЛЯ

КОГДА ЗАКОН
СТОИТ НА СТРАЖЕ
ЧЕСТНОГО ТРУДА —
НИКАКОЙ МОРОЗ
И НИКАКАЯ БЕДА
НЕ СТРАШНЫ.

СТЕПАН АВДЕЕНКО

Степан Авдеенко

Майор волков Честная земля

«Автор»

2026

Авдеенко С.

Майор волков Честная земля / С. Авдеенко — «Автор», 2026

«Майор Волков. Честная земля» В глухом таёжном крае, где поселки Берёзовка и Покровка годами жили под гнетом бандитского произвола и коррупции, появление майора полиции Андрея Волкова меняет всё. Вступив в непримиримую борьбу с криминалом, Волков не просто наводит порядок силой Закона, но и объединяет местных жителей. Это история о сибирском характере, настоящей мужской дружбе, чести и взаимовыручке. Плечом к плечу с простыми мужиками — отучившимся бояться старостой Степаном и директором лесокombината Кравцовым — майор Волков защищает край от преступности и суровых таёжных стихий. Рассказ о том, как совесть, труд и верность своему долгу способны превратить разрозненные села в неприступную крепость справедливости.

© Авдеенко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Чужая земля	5
Служебный дом и первый тревожный вечер	6
Разговор в доме	8
Ночной визит	9
Глава 2: Холодный прием	10
Дорога через Берёзовку	11
В логове председателя	12
Первые находки	14
Реанимация для «козлика»	17
Договор с кузнецом	18
В ночь на делянку	19
Обратный путь и тяжелые думы	22
Ночной гость	23
Старый рабочий	25
Загадка Старого Карьера	26
Финал первой битвы	28
Наследство председателя	30
Проверка на прочность	31
Разговор при свечах	32
Приемный день	34
Разговор на окраине	35
На страже	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Степан Авдеенко

Майор волков Честная земля

Глава 1: Чужая земля

Осенний дождь лениво барабанил по мутным окнам старенького «Пазика». Автобус то и дело подпрыгивал на ухабах разбитой грунтовой дороги, отчего салон наполнялся глухим металлическим дребезжанием.

Молодой капитан полиции Андрей Волков молча смотрел на проплывающий за окном унылый пейзаж: пожелтевшие перелески, раскисшие от бесконечной сырости поля и редкие, словно вымершие, хутора. Еще неделю назад его жизнь выглядела иначе. Он был оперуполномоченным в областном центре. Погони, ночные дежурства, допросы, привычный ритм большого города, где правила игры были ясны. Андрей шел на хорошем счету — честный, упрямый, не умеющий договариваться с совестью. Наверное, именно это упрямство и сыграло с ним шутку.

Когда его вызвал начальник управления, Андрей ждал чего угодно: нового сложного дела, командировки на Кавказ, но точно не этого.

— Поздравляю, капитан, — полковник протянул ему приказ, не глядя в глаза. — Повышение. Назначаетесь старшим участковым. Но служить будешь в районе. В Берёзовке. Справишься там, наведёшь порядок — вернешься в главк с чистой совестью и хорошей перспективой.

Спорить было бесполезно. И вот теперь — дорожная сумка на коленях и глухая тайга впереди.

Автобус со скрипом затормозил у покосившейся бетонной остановки с облезлой, наполовину стертой надписью «Берёзовка». Андрей накинул капюшон куртки, подхватил сумку и вышел на раскисшую обочину. Двери «Пазика» с шипением захлопнулись, и автобус, обдав капитана облаком сизого выхлопа, покатил дальше.

Наступила тишина. Оглушительная, непривычная после городского шума. Воздух здесь был совсем другим — густым, холодным, пахнущим мокрой хвоей, дымом из печных труб и прелой травой.

У здания сельской администрации — приземистого деревянного строения под шиферной крышей — Андрея уже ждали. Возле крыльца стояла новенькая, сверкающая чистотой «Нива Шевроле». Оперся о капот крупный, грузный мужчина лет пятидесяти пяти в дорогой кожаной куртке. Это был Григорий Петрович — местный председатель сельсовета.

— Ну, здорово, капитан, — председатель окинул Андрея оценивающим, тяжелым взглядом и нехотя протянул широкую ладонь. — Молодой совсем... А в управлении обещали прислать опытного, лет под пятьдесят, чтоб с местным контингентом совладать мог.

— Возраст работе не мешает, Григорий Петрович, — спокойно ответил Андрей, пожимая руку. Хватка у председателя была крепкой, хозяйской. — Опыт у меня оперативный, так что разберемся.

Председатель усмехнулся, в глазах промелькнул холодный огонек.

— Ну-ну. Посмотрим. Тут у нас народ простой, но с характером. Книжные законы здесь не всегда работают, понимаешь? Ладно, пошли, покажу твое хозяйство.

Служебный дом и первый тревожный вечер

Хозяйство оказалось скромным. Служебный домик участкового совмещал в себе и жилье, и рабочий кабинет. Располагался он на окраине, у самого леса. Внутри пахло сыростью и старым деревом. Из мебели — обшарпанный письменный стол, сейф для оружия, железная кровать, пара стульев да кирпичная печь.

— Дрова за сараем, колодец на улице, — сухо проинструктировал председатель, задерживаясь у порога. — Прежний наш участковый, Михалыч, месяц назад на пенсию ушел, так что прибираться сам будешь. Обживайся. Завтра жду в администрации, введу в курс дел.

Когда Григорий Петрович ушел, Андрей запер дверь, растопил печь и принялся разбирать вещи. За окном стремительно темнело. Деревня погружалась в глухую осеннюю ночь. Дождь припустил сильнее, шумя по крыше.

Около десяти вечера, когда Андрей уже собирался ложиться, тишину разорвал резкий, полный неподдельного ужаса женский крик.

Капитан среагировал мгновенно. Накинув куртку и проверив кобуру с табельным ПМ на поясе, он выскочил на крыльцо.

Сквозь стену дождя по темной улице бежала девушка. Она спотыкалась в жидкой грязи, оглядывалась назад и тяжело, со свистом дышала. Было видно, что она на грани паники. А следом за ней, метрах в тридцати, не торопясь, но уверенно шел высокий мужчина.

Андрей сошел с крыльца и шагнул к калитке.

— Стоять! Полиция! — твердо крикнул он.

Мужчина остановился. В тусклом свете единственного на улице фонаря Андрей разглядел его лицо — заросшее щетиной, с ленивой и наглой ухмылкой. На вид ему было около тридцати пяти. Крепкий, в брезентовом дождевике и высоких резиновых сапогах.

— Опа... Ты новенький, значит, — мужчина сплюнул под ноги и качнулся с пятки на носок. — Слышь, командир, ты полегче на поворотах. Инструкции свои городские прибереги. Это Машка. Жена моя. Домой она идет, понятно?

Девушка тем временем юркнула за спину Андрея и судорожно вцепилась пальцами в рукав его куртки. Её мелко трясло от холода и страха. На лице под левым глазом наливался свежий синяк, а губа была разбита.

— Не отдавайте меня ему... Андрей Васильевич, пожалуйста... — едва слышно прошептала она.

Андрей задвинул девушку за спину. Внутри поднялась холодная профессиональная злость.

— Фамилия? — сухо спросил он, глядя мужчине прямо в глаза.

— Чё? — опешил тот. — Зубов моя фамилия. Иван я. Документы дома. Слышь, мент, отдай девку, не нарывайся.

Иван сделал резкий шаг вперед, протягивая руку, чтобы схватить Машу. Андрей сработал на автомате. Короткий шаг в сторону, жесткий перехват за запястье и загиб руки за спину. Иван взвыл, утыкаясь лицом в мокрый забор.

— Статья 19.3 КоАП РФ. Неповиновение сотруднику полиции, — жестко проговорил Андрей ему в ухо. — И нанесение побоев. Еще раз дернешься — уедешь в районное ИВС. Уяснил?

— Уяснил, уяснил! Пусти, начальник! — зашипел Иван.

Андрей ослабил захват и толкнул его от себя. Зубов злобно потер плечо, отступая в темноту.

— Ладно... Посмотрим, как ты тут приживешься, городской. А ты, Машка, домой не возвращайся. Вещи твои у забора сгною!

С этими словами он развернулся и ушел.

Разговор в доме

Андрей завел дрожащую девушку в дом, усадил у печки и протянул ей полотенце. Налил горячего чая.

— Рассказывай, Мария. Заявление писать будем?

— Нет, что вы, нельзя! — испуганно округлила она глаза. — Иван — племянник председателя, Григория Петровича. Напишу заявление — бумагу выкинут, а мне и маме моей больной жизни тут не дадут. Председатель у нас всё решает — и дрова на зиму, и помощь социальную.

Она рассказала типичную для глухих мест историю: муж пил, бил, сегодня отобрал последние деньги на лекарства матери. Маша сбежала, надеясь на помощь нового участкового.

— Где твои вещи? — спросил Андрей.

— Дома у Ивана. Но он их сожжет или выбросит. А мне новые купить не на что...

Андрей молча застегнул куртку.

— Сиди здесь. Дверь запри. Откроешь только на мой голос.

Ночной визит

Дождь хлестал по лицу, пока Андрей шел к дому Зубовых. Он без труда нашел двор — там горел прожектор. Капитан постучал в дверь. На порог вышел Иван, уже с бутылкой пива.

— Опять ты? Чего надо?

— Выноси вещи и документы Марии. Живо.

Иван рассмеялся:

— А если нет? Жалобу дядьке накажаю, тебя отсюда завтра же вышвырнут!

В этот момент к дому, шурша шинами по грязи, подкатила знакомая «Нива». Из нее тяжело вышел Григорий Петрович. На его лице читалось глубокое недовольство.

— Так, — громко сказал председатель. — Что за сыр-бор? Андрей Васильевич, ты только приехал, а уже у моих родственников права качаешь. Иван с Машкой — муж и жена. Повздорили — помирятся. Зачем полицию мешать? Иди отдыхай, завтра дела обсудим.

Андрей посмотрел на председателя, потом на ухмыляющегося Ивана. Перед ним стоял выбор: прогнуться под местную власть ради спокойной службы или пойти по закону.

— Григорий Петрович, — тихо, но твердо произнес Андрей. — Закон действует везде одинаково. Гражданка Савельева избита. Если гражданин Зубов сейчас же не вынесет ее личные вещи и паспорт, я зафиксирую побои, вызову следственную группу из района и оформлю задержание. Дело пойдет через районную прокуратуру. И никакие связи вашего племянника не спасут.

На дворе повисла тяжелая тишина. Было слышно только, как шумит дождь.

Григорий Петрович долго и пристально разглядывал молодого капитана. В его глазах удивление сменилось глухой злостью. Он понял, что договориться не получится. Перед ним стоял настоящий мент. Из тех, упрямых.

— Иван, — глухо приказал председатель, не сводя глаз с Андрея. — Вынеси вещи Марии. Живо.

— Дядь Гриш, да ты чего... — растерялся тот.

— Я кому сказал! Неси! — прикрикнул Григорий Петрович.

Через минуту Иван вышвырнул на крыльцо спортивную сумку и паспорт. Андрей молча подобрал вещи.

Председатель сделал шаг ближе к капитану. От него пахло дорогим табаком.

— Ты принципиальный, значит... — тихо сказал он. — Это хорошо. Но помни, капитан: земля тут круглая, а тайга — большая. Тебе тут зиму зимовать. Одному. Подумай об этом на досуге.

— Всего доброго, Григорий Петрович. До встречи на работе, — вежливо ответил Андрей.

Он развернулся и пошел обратно к своему дому, неся тяжелую сумку. Он чувствовал спиной враждебный взгляд председателя. Первая битва была выиграна, но Андрей понимал: это лишь начало долгой и опасной войны за порядок в Берёзовке.

Отличный настрой. Двигаемся дальше строго в рамках этой реалистичной, приземленной истории. Никакой фантастики, никаких неуместных «роялей в кустах» — только суровая деревенская правда, психология людей и медленно затягивающийся узел конфликта.

Давай сделаем вторую главу такой же объемной, кинематографичной и детальной. Мы покажем последствия ночного столкновения, обустройство Андрея на новом месте и то, как деревня начинает испытывать его на прочность.

Глава 2: Холодный прием

Утро в Берёзовке началось не с будильника, а с пронзительного петушиного крика где-то на соседней улице и густого, сырого холода, заполнившего комнату. За ночь печь полностью остыла. Андрей проснулся в шестом часу, рывком сел на жесткой железной кровати и выдохнул — изо рта пошел слабый пар.

Он поднялся, накинул куртку прямо на термобелье и подошел к окну. Дождь прекратился, оставив после себя тяжелые свинцовые тучи, зацепившиеся за верхушки вековых сосен, и густой молочный туман, выползающий из леса. Деревня спала. Лишь кое-где над крышами уже потянулись первые тонкие струйки печного дыма.

Маша спала в соседней комнате — точнее, в крохотном кабинете, где Андрей наспех соорудил ей постель из своего спальника и старого ватного одеяла, найденного в шкафу.

Андрей тихо, стараясь не скрипеть половицами, вышел в сени, взял топор и направился к поленнице за сараем. Дрова оказались сырыми, березовыми. Ему пришлось повозиться, прежде чем он наколот сухой щепы из глубины поленницы для растопки. Физическая работа быстро разогнала кровь. Вскоре в печи весело затрещал огонь, и по дому поползло первое долгожданное тепло.

На кухне послышались робкие шаги. Маша стояла в дверях, бледная, с припухшим лицом, кутаясь в его вчерашний свитер, который был ей велик на три размера.

— Доброе утро, Андрей Васильевич... — тихо произнесла она, глядя в пол. — Вы... вы из-за меня всю ночь не спали нормально. Спасибо вам. За вещи, за всё.

— Работа такая, Маша, — Андрей наполнил чайник водой из ведра (воду он принес еще вчера из колодца). — Садись к печке, грейся. Сейчас чай пить будем. Я вчера в райцентре тушенку купил и хлеб, соорудим нехитрый завтрак.

Они сидели за старым столом в молчании. Маша медленно пила чай, держа кружку обеими руками, словно пытаясь вобрать в себя все оставшееся тепло.

— Куда ты сейчас пойдешь? — спросил Андрей, намазывая масло на ломоть серого хлеба.

— К маме. Она на окраине живет, у самого болота. Дом там старенький, крыша течет, но деваться некуда. Иван туда не сунется — он маму мою терпеть не может, говорит, от нее «старостью и болячками воняет». Да и боится он, что я обратно к нему не вернусь. Дядька его, Григорий Петрович, вчера знатно разозлился. Иван перед ним как шелковый ходит, ведь председатель его на пилораму устраивал, а теперь вот на лапу дает, чтоб тот не сидел без дела.

— Я тебя провожу, — Андрей поднялся и посмотрел на часы. Без четверти восемь. — Заодно посмотрю, где ты живешь. А потом мне в администрацию, к твоему родственнику высокопоставленному. Надо официально дела принимать.

Маша посмотрела на него с явной тревогой.

— Осторожнее будьте, Андрей Васильевич. Григорий Петрович — он ведь не просто председатель. Он здесь двадцать лет сидит. Все лесозаготовки под ним, все коммерсанты районные с ним за руку здороваются. Тут участковые и до вас были... Кто-то увольнялся через месяц, кто-то пить начинал вместе с местными. А Михалыч, прежний, просто закрывал на все глаза и ждал пенсии. Не ломайте себе жизнь из-за нас.

Андрей ничего не ответил. Он лишь поправил ремень с кобурой и накинул форменную куртку. В его оперативной практике в городе бывали деятели и посерьезнее сельского председателя. Правда, там за спиной Андрея стоял закон, сильный отдел и поддержка руководства. Здесь же, посреди тайги, за его спиной был только ржавый замок на сейфе с оружием и старый узик, который еще надо было заставить завестись.

Дорога через Берёзовку

Они шли по центральной улице. Берёзовка постепенно просыпалась. То то, то другое подворье отзывалось глухим собачьим лаем. Редкие прохожие — в основном женщины в накинутых на плечи платках и пожилые мужчины в заношенных фуфайках — провожали их долгими, тяжелыми взглядами. Никто не здоровался. В воздухе висело осязаемое недоверие к чужаку. Деревня замерла в ожидании: что предпримет новый «городской» мент после ночного скандала? Ведь слухи о том, как капитан скрутил Ивана Зубова прямо на глазах у председателя, уже облетели каждый двор.

Дом Машиной матери действительно оказался на самом краю деревни, уходящем в серую стену соснового бора. Перекошенный забор, покосившиеся ворота.

На крыльцо вышла немолодая женщина с бледным, изможденным лицом, опираясь на деревянные костыли. Это была Анна Семеновна, мать Маши.

— Машенька! Господи, живая... — женщина едва не выронила костыль, когда дочь бросилась к ней и обняла.

Она подняла глаза на Андрея. В этих глазах не было надежды — только бесконечная усталость и страх за дочь.

— Спасибо вам, товарищ капитан, — тихо сказала Анна Семеновна. — Мне Маша всё рассказала. Но зря вы связались с Зубовыми. Иван — парень дурной, мстительный. А Григорий... Григорий Петрович обид не прощает.

— Вы не волнуйтесь, Анна Семеновна, — спокойно ответил Андрей, помогая женщинам занести тяжелую сумку Маши в дом. — Я здесь для того, чтобы закон соблюдался. Если Иван хотя бы близко к вашему дому подойдет — сразу дайте знать. Мой дом на другом конце, но я услышу. Или соседей попросите добежать.

Он помедлил у порога, осматривая ветхие стены дома. Здесь явно требовалась мужская рука, но сейчас у него были другие задачи.

— Мне пора. Берегите себя.

В логове председателя

Здание сельской администрации встретило Андрея запахом старой бумаги, дешевого линолеума и хлорки. Капитан поднялся на второй этаж и постучал в оббитую дерматином дверь с табличкой «Председатель сельского совета».

— Войдите! — донесся изнутри хриплый голос.

Григорий Петрович сидел за огромным двухтумбовым столом из темного дерева. Перед ним дымился стакан чая в подстаканнике, лежали какие-то ведомости и отчеты. В кабинете было тепло и сухо — здесь стоял хороший обогреватель.

Председатель поднял голову. На его лице не было вчерашней злости. Напротив, он дружелюбно, хоть и немного натянуто, улыбнулся.

— А, капитан! Заходи, присаживайся. Как спалось на новом месте? Не замерз?

— Нормально спалось, Григорий Петрович, — Андрей присел на стул напротив. — Печь протопил, обживаюсь.

— Вот и ладно, вот и хорошо, — председатель откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы в замок на животе. — Дела — штука серьезная. Михалыч, предшественник твой, перед уходом архив передал, сейф опечатал. Ключи у секретаря возьмешь. Но давай сначала о главном поговорим. По-мужски. Без протоколов.

Андрей молча ждал, не облегчая собеседнику задачу.

— Вчера мы погорячились, — мягко начал Григорий Петрович, глядя Андрею прямо в глаза. — И я, и Иван дурак этот, ну и ты... с непривычки-то. Иван парень неплохой, но вспыльчивый. Машка тоже хороша — характер у нее тот еще, довести любого может. Но семья есть семья. Не надо нам тут, в Берёзовке, уголовных дел портить статистику. Понимаешь? Району это тоже не нужно. Нам спокойствие важно.

— Спокойствие — это когда закон соблюдается, Григорий Петрович, — ровно ответил Андрей. — А когда женщину среди ночи по улице гонят и лицо ей разбивают — это уголовное преступление или административное правонарушение. В зависимости от тяжести. Я заявление у Марии принудительно брать не стал, пожалел ее нервы. Но предупреждаю: если Иван еще раз к ней прикоснется, я его закрою. И мне будет все равно, чей он племянник.

Председатель медленно улыбнулся, но взгляд его оставался холодным как лед.

— Принципиальный ты, Волков. Мне такие нравятся. В теории. А на практике... Вот смотри. У нас в деревне триста дворов. Из них половина — мужики, которые на лесоповале работают. Работа тяжелая, опасная. Вечером они пьют. Если ты каждого за синяк под глазом у жены сажать будешь — у тебя в деревне работать некому станет. И пилорама моя встанет. А пилорама — это единственное, что эту деревню кормит. Налоги, рабочие места, дрова пенсионерам... Понимаешь связь?

— Закон обратной связи не имеет, Григорий Петрович. Моя задача — профилактика и пресечение.

— Ну хорошо, хорошо, — председатель примирительно поднял руки. — Работай, как знаешь. Мешать не буду. Но и помогать... сам понимаешь. Уазик твой служебный в гараже стоит. Стартер там барахлит, аккумулятора нет, бензина — полбака осталось от Михалыча. Район лимиты урезал. Я думал выделить тебе из бюджета сельсовета копеечку на запчасти и бензин... Но раз у нас все строго по закону, то и я буду действовать по инструкции. Заявку пиши в районное УВД, жди финансирования. Месяца через три, может, одобрят.

Это был первый открытый ход в этой партии. Без машины участковый в районе, где между деревнями по тридцать километров глухой тайги, становился практически беспомощным.

— Разберемся, — Андрей поднялся. — Где ключи от кабинета?

— У Людочки возьми, в приемной, — равнодушно бросил председатель, уже утыкаясь в свои бумаги. — И помни, капитан. Скоро зима. Тайга шутить не любит.

Первые находки

Кабинет участкового находился на первом этаже того же здания. Это была тесная комната с зарешеченным окном, выходящим на задний двор.

Андрей открыл сейф. Внутри, помимо старой кобуры и нескольких пачек патронов к ПМ, лежали папки с делами. Он принялся изучать наследство Михалыча.

Большинство дел были закрыты «за отсутствием состава»: мелкие кражи кур, пьяные драки, которые заканчивались примирением сторон. Но среди пыльных папок внимание Андрея привлекла одна — тонкая, без номера.

Внутри лежало заявление полугодовой давности от некоего Семена Кравцова, местного жителя. Тот писал, что с делянки в лесу систематически вывозится неучтенный лес-кругляк в огромных объемах. На заявлении стояла размашистая резолюция Михалыча: *«Проведена проверка. Факты не подтвердились. Списать в архив»*.

Однако к заявлению был приколот клочок бумаги — видимо, Михалыч забыл его вытащить перед уходом. На нем карандашом были набросаны номера лесовозов и даты. И одна короткая запись: *«Г.П. в курсе. Не лезть. Чревато»*.

Андрей откинулся на спинку стула, барабанил пальцами по столу.

Г.П. — Григорий Петрович.

Провинциальный детектив переставал быть просто историей о семейной драме. Здесь пахло крупными деньгами, незаконной вырубкой государственного леса и глухим заговором молчания.

В этот момент дверь кабинета без стука отворилась. На пороге стоял мужчина средних лет в поношенной рабочей куртке. Его лицо было бледным, а глаза затравленно бегали по сторонам.

— Вы... вы новый участковый? — шепотом спросил он, оглядываясь на коридор.

Андрей мгновенно подобрался.

— Да, капитан Волков. Заходите, закрывайте дверь. Представьтесь.

Мужчина быстро зашел, запер дверь на задвижку и прижал руку к груди.

— Я Семен. Кравцов Семен. Я знаю, что вы вчера Ивану Зубову руки крутили. Вы... вы не из пугливых, значит. Мне помощь ваша нужна, капитан. Мой сын... Мишка. Он три дня назад ушел на дальнюю делянку Григория Петровича на работу. И не вернулся. А председатель говорит, что Мишка просто запил и сбежал в город. Но сын не пьет! Вообще не пьет! Его убили там, капитан... Я знаю, его убили, потому что он что-то увидел!

Глава 3: След на делянке

Андрей внимательно всмотрелся в лицо Кравцова. На нем читалось не просто паника, а глубокое, выстраданное горе отца, который остался один на один со своей бедой. Капитан поднялся, подошел к двери, проверил, плотно ли закрыта задвижка, и жестом указал Семену на стул напротив своего стола.

— Садись, Семен. Успокойся, переведи дух и рассказывай все по порядку. Спокойно, без лишних эмоций. Только факты.

Кравцов сел, его натруженные, покрытые мозолями руки мелко дрожали. Он сжал кулаки, упираясь ими в колени, чтобы унять дрожь.

— Мишке двадцать один год всего, — глухо начал Семен. — Он у меня парень неглупый, техникум в районе закончил, на механика выучился. Вернулся в деревню, хотел матери помочь — она у нас приболела сильно. А куда здесь идти работать? Только на пилораму к Григорию Петровичу или на делянки в тайгу. Мишку взяли на дальний участок, трактора обслу-

живать. Платят там неплохо, наличными на руки. Работа тяжелая, вахтой — уезжают туда на две недели, живут в вагончиках.

— Кто старший на той делянке? — спросил Андрей, открывая чистый блокнот и беря в руку ручку.

— Так Иван Зубов и старший! — Кравцов подался вперед, понизив голос до шепота. — Он у дядьки своего там вроде надзирателя. Мужиков гоняет, за погрузкой следит. Мишка уехал туда десять дней назад. Должен был вернуться только в конце недели. Но три дня назад, во вторник вечером, мне мужик один с пилорамы, который оттуда попутным лесовозом приехал, записку от Мишки привез. Крохотный такой клочок бумаги, в сигаретную пачку спрятанный.

Семен судорожно полез во внутренний карман куртки, достал потрепанный целлофановый пакет, а из него — измятый клочок блокнотного листа в клеточку. Андрей аккуратно взял его и развернул.

На бумаге карандашом, торопливым, неровным почерком было написано:

«Батя, тут дела темные. Ночью машины уходят без номеров. Лес быют за границей отвода, вековой. Я сфотографировал на телефон ведомости в вагончике Ивана. Если не приеду в субботу — иди к...»

На этом записка обрывалась. Слово «участковому» дописано не было, но смысл угадывался без труда. Полгода назад сам Семен ходил к Михалычу, и та попытка закончилась ничем. Видимо, парень сомневался, стоит ли доверять старой милиции.

— Я как записку прочитал — сразу к председателю пошел, — продолжил Кравцов, и в его глазах блеснули слезы. — Григорий Петрович меня даже в кабинет пускать не хотел. Потом вышел, злой такой. Говорит: «Твой Мишка — дурак. Поругался с Иваном из-за какой-то поломки, забрал расчет, сел на попутный лесовоз до трассы и уехал в город. Сказал, надоело ему в этой дыре спину гнуть». Я говорю: «Как уехал? Без вещей? Дома не показался? Матери ничего не сказал?» А председатель мне: «Ищи своего сына по кабакам в районе, не морочь мне голову».

— В районную дежурную часть звонил? Мать заявление возила? — Андрей жестко фиксировал временные промежутки.

— Не приняли у нас в районе! — Семен махнул рукой в отчаянии. — Жена поехала в среду. Там дежурный посмотрел, поспрашивал, чья делянка. Как услышал про Григория Петровича, так сразу лицо кирпичом: «Три дня не прошло, парень взрослый, уехал на заработки. Нагуляется — вернется. Приезжайте в субботу». А я сердцем чую, капитан... Нет Мишки в городе. Телефон у него отключен со вторника. Не мог он матери не позвонить. Его там, в лесу, прижали.

Андрей перечитал записку. Всё сходилось с той запиской Михалыча, которую он нашел в сейфе десять минут назад. Незаконная рубка, лесовозы без номеров, идущие по ночам в обход постов, и глухая круговая порука. Парень залез туда, куда соваться стоило только с силовой поддержкой ОМОНа, и поплатился за свою честность.

— Значит так, Семен, — Андрей захлопнул блокнот и поднялся. — Официально я заявление у тебя принять сейчас не могу — у меня даже бланков КУСП (книги учета сообщений о преступлениях) еще нет, секретарь только оформляет документы. Но неофициально — я этим займусь прямо сейчас. Где находится эта дальняя делянка?

— Тридцать километров отсюда, по старой узкоколейке, — Кравцов тоже встал. — Туда сейчас только на подготовленной машине пройти можно, дорогу после дождей совсем развезло. Мой «Жигуленок» там в первой же луже сядет. А уазик ваш служебный, я видел, у гаража стоит без движения.

Андрей вспомнил ухмылку председателя: «Стартер барахлит, аккумулятора нет». Старый лис специально обездвигил нового участкового, чтобы тот сидел в своей конторе и не совал нос за пределы деревни.

— У тебя в деревне знакомые с хорошей машиной есть? Кто не побоится против председателя пойти? — спросил Андрей, застегивая куртку.

Семен горько усмехнулся и покачал head.

— Кто ж пойдет, капитан? Все от Григория Петровича зависят. У кого трактор — тот у него солярку берет, у кого лесовоз — тот на его делянках зарабатывает. Против него пойдешь — завтра без куска хлеба останешься.

— Ладно. Сам справлюсь, — отрезал Андрей. — Иди домой, Семен. Жене ничего не говори, не пугай раньше времени. Скажи, что участковый уехал в район проверять по базам. Если что-то узнаешь — сиди тихо.

Реанимация для «козлика»

Выйдя из здания администрации, Андрей направился к служебному гаражу. Возле покосившихся деревянных ворот стоял старый, выцветший от времени и покрытый слоем засохшей грязи УАЗ-3151, в простонародье — «козлик».

Капитан открыл водительскую дверь. В салоне пахло старым кожаменителем, бензином и сыростью. Он дернул рычаг капота, вышел наружу и поднял тяжелую железную крышку.

Картина была безрадостной. Аккумуляторная площадка пустовала — старый Михалыч, уходя на пенсию, явно забрал батарею с собой или сдал её председателю. Стартер был покрыт слоем маслянистой грязи, один из проводов зажигания был грубо оторван. Григорий Петрович не соврал: машина была мертва.

Андрей присел на корточки у колеса, разглядывая протектор. Резина была старой, «зубастой», военной, но еще вполне крепкой. Если завести этот аппарат — он пролезет через любую грязь. Опыт службы в армии и первые годы работы опером в провинциальном райцентре научили Андрея одной простой истине: советская техника ломается часто, но чинится с помощью мата, лома и такой-то матери.

Капитан закрыл капот и быстрым шагом направился на окраину, к дому Машиной матери. Ему нужна была помощь, и, кажется, он знал, у кого её попросить.

Маша и её мать Анна Семеновна были дома. В избе приятно пахло свежеспеченным хлебом и сушеными травами. Маша уже успела переодеться в свои сухие вещи, которые Андрей отбил ночью у Ивана.

— Андрей Васильевич? Что-то случилось? — испуганно спросила девушка, увидев на пороге сосредоточенного капитана.

— Маша, мне нужна твоя помощь. Точнее, информация, — Андрей не стал проходить в комнату, остался в сенях. — У кого в деревне можно достать живой аккумулятор на пару дней и кое-какие инструменты? Но так, чтобы об этом не узнал Григорий Петрович.

Женщины переглянулись. Анна Семеновна тяжело вздохнула, опираясь на костыли.

— Для уазика своего ищешь, сынок? Михалыч-то перед уездом свой аккумулятор Петьке-кузнецу отдал за долги. Петька у нас парень незлой, но выпить любит. Он на отшибе живет, у него своя мастерская. Григория Петровича он не то чтобы боится, просто не связывается. Если Петьке правильно подойти — поможет.

— Спасибо, Анна Семеновна. Где его найти?

— За старой мельницей, у реки. Там один дом стоит, не ошибешься. У него во дворе вечно груды металлолома лежат, — подсказала Маша. Она сделала шаг вперед, внимательно вглядываясь в лицо Андрея. — Андрей Васильевич... Вы что-то ищете? Это из-за Мишки Кравцова?

Андрей на секунду замер, оценивая, стоит ли говорить. Но в деревне, где все всё знают, скрывать очевидное было глупо.

— Мишка пропал. Отец считает, что на делянке Ивана. Я должен туда съездить.

Маша побледнела, её рука непроизвольно прижалась к губам.

— Господи... Мишка ведь хороший парень. Он Ивану всегда в лицо говорил, что тот ворует. Иван его возненавидел... Андрей Васильевич, будьте осторожны. На дальних делянках связи нет. Там только волки и люди Ивана. А они порой страшнее волков.

Договор с кузнецом

Кузнец Петр оказался мужиком лет сорока пяти, с огромными, как лопаты, руками и окладистой бородой. Когда Андрей зашел к нему во двор, Петр как раз возился с дизельным генератором, матерясь на чем свет стоит.

Увидев человека в форме, кузнец нахмурился и вытер руки об обрезную ветошь.

— Здорово, начальник. За порядком следишь или по делу какому?

— По делу, Петр, — Андрей подошел ближе, осматривая мастерскую. — Мне нужен аккумулятор, который тебе Михалыч оставил. И стартер от уазика перебрать. На пару дней нужно. Очень.

Петька прищурился, вытащил из кармана пачку сигарет, закурил.

— А председатель в курсе? Он вчера строго-настрого сказал: менту новому помогать только по официальному запросу из района. У меня тут бизнес мелкий, легальный, но Григорий мне быстро кислород перекроет, если захочет.

Андрей сделал шаг ближе, глядя кузнецу прямо в глаза.

— Петр, в лесу парень пропал. Мишка Кравцов. Ты его знаешь?

Кузнец вздрогнул. Сигарета в его руке на секунду замерла. Он отвел взгляд в сторону, тяжело затаившись.

— Мишку... Знаю. Хороший парень. Трактор мне помогал чинить. А что с ним? Председатель же сказал, в город уехал...

— Ты сам-то в это веришь? — тихо спросил Андрей. — Парень ночью пишет записку, что в лесу творятся темные дела, а на следующий день исчезает без вещей. Если я сегодня туда не уеду, завтра искать будет некого. Ты мужик взрослый, Петр. Тебе с этим жить. Поможешь машине — никто не узнает. Я уеду в ночь.

Петр долго молчал, разглядывая носок своего сапога. Потом злобно сплюнул, бросил окурок на землю и растоптал его.

— Эх, пропади оно всё пропадом... Михалыч тюфяк был, прости господи. А ты, я вижу, из другого теста. Ладно. Аккумулятор в сарае стоит, заряженный, я его для генератора берёг. Стартер твой приноси, за полчаса переберу, там делов-то — щетки поменять да втягивающее почистить. Но учти, начальник: если тебя там, в тайге, прикопают — я не при делах.

— Договорились, — улыбнулся Андрей.

В ночь на делянку

К десяти часам вечера Берёзовка полностью погрузилась во тьму. Андрей работал в гараже без света, при свете налобного фонарика. Руки были по локоть в черном мазуте, но дело было сделано. Перебранный Петькой стартер встал на место, тяжелый аккумулятор был надежно закреплен на площадке, а порванный провод зажигания заменен на новый.

Андрей сел за руль, выжал сцепление и повернул ключ в замке зажигания.

Стартер тяжело, с натугой крутанул вал. Раз, другой... Двигатель чихнул, выбросил облако гари и глухо, ровно заурчал, наполняя гараж мощным басовитым звуком. Живой.

Капитан выехал из гаража, аккуратно прикрыл ворота и, не включая фар, на одних подфарниках, двинулся в сторону старой узкоколейки.

Дорога за деревней превратилась в настоящий кошмар. УАЗ швыряло из стороны в сторону, колеса прокручивались в глубокой глиняной колее, заполненной водой. Машина редела, шла на первой передаче, пробивая бампером густые кусты и обходя поваленные деревья. Андрей крепко сжимал руль, чувствуя, как пот заливает глаза. Кругом на десятки километров простиралась глухая, черная тайга.

Через полтора часа изнурительной гонки по бездорожью среди деревьев впереди показался тусклый свет.

Андрей заглушил двигатель за пару сотен метров до делянки. Он вышел из машины, проверил табельный пистолет в кобуре, достал тяжелый служебный фонарь и двинулся вперед пешком, стараясь ступать как можно тише.

Делянка представляла собой жутковатое зрелище. Огромная вырубленная просека, посреди которой стояли три жилых вагончика-бытовки. Рядом громоздились тяжелые гусеничные трактора и два огромных лесовоза «КамАЗ».

Номера на машинах были густо заляпаны грязью — точнее, их там вообще не было, вместо них чернели пустые железные рамки. Всё как в записке Мишки.

Возле одного из вагончиков горел костер. Вокруг него сидели трое мужчин в брезентовых робах. Они пили что-то из алюминиевых кружек и громко хохотали. Среди них Андрей сразу узнал высокую фигуру Ивана Зубова. Тот сидел на бревне, вальяжно развалившись, и что-то рассказывал, активно жестикулируя.

Андрей решил обойти вагончики с тыла, чтобы осмотреть территорию. Он скользил тени за тенью, пробираясь сквозь кучи спиленных веток и брёвен. За последним вагончиком, у самого края леса, стоял старый сломанный трелёвочный трактор.

Андрей приблизился к нему и вдруг заметил на земле, прямо у гусеницы, яркое пятно. Капитан присел и посветил крохотным лучом фонарика, прикрывая его ладонью.

В грязи лежал простенький кнопочный мобильный телефон. Корпус был расколот, экран разбит, словно на него наступили тяжелым сапогом. Андрей аккуратно поднял его, стер грязь с задней крышки. На ней был наклеен забавный детский стикер с изображением гоночной машины — видимо, парень носил его еще со школы.

Это был телефон Мишки Кравцова.

Вдруг за спиной Андрея хрустнула ветка.

— А ты чё тут вынюхиваешь, городской? — раздался хриплый, прокуренный голос.

Андрей резко обернулся, одновременно опуская руку на рукоятку пистолета. Перед ним стоял один из рабочих делянки — коренастый мужик с тяжелым железным ломом в руках. В его глазах не было дружелюбия. На шум из-за вагончика уже выходили остальные, во главе с Иваном Зубовым.

Глава 4: Окружение

Капитан Волков не убрал руку с кобуры, но и дергать оружие раньше времени не стал. На оперской службе он усвоил твердо: пистолет — это последний аргумент, когда слова уже кончились, а здесь ситуация еще балансировала на грани.

Андрей медленно выпрямился, пряча разбитый телефон Мишки в карман куртки. Его взгляд оставался спокойным и жестким.

— Капитан полиции Волков, — громко и отчетливо произнес он, глядя на мужика с ломом. — Старший участковый уполномоченный. Провожу проверку по факту исчезновения гражданина Кравцова. Лом опусти на землю. Живо.

Мужик с ломом — приземистый, с пропитым лицом и тяжелыми надбровными дугами — на секунду замешкался. Форма и уверенный тон офицера подействовали на него отрезвляюще. Но тут из-за угла бытовки, хлюпая сапогами по грязи, вышел Иван Зубов. За его спиной маячили еще двое рабочих делянки. Один держал в руке тяжелый обух от топора, второй — короткий отрезок стального троса.

— Опача... — Иван остановился в трех метрах от Андрея, засунув руки в карманы своего неизменного брезентового дождевика. На его лице снова заиграла та самая ленивая, издевательская ухмылка. — Дядька говорил, что ты упрямый, мент. Но чтоб настолько дурной... Сюда на легковушке не проехать. Ты как добрался-то? Неужто Петька-кузнец свой аккумулятор одолжил? Ну, мы с ним потом побеседуем.

Рабочие за спиной Ивана коротко переглянулись и начали медленно обходить Андрея с боков, отрезая путь к отступлению в сторону леса. Позиция была паршивой: сзади — железная туша сломанного трактора, впереди — четверо обозленных, выпивших мужиков, отрезанных от цивилизации тридцатью километрами непроходимой тайги. Здесь, на дальней делянке, сотовой связи не было, и рассчитывать Андрей мог только на себя.

— Зубов, твои люди сейчас наговаривают себе на вполне конкретный срок, — спокойно сказал Андрей, переводя взгляд с одного рабочего на другого. — Соппротивление сотруднику полиции при исполнении, группой лиц по предварительному сговору. Подумайте головой, мужики. У вас дома семьи, дети. Ради чего под статью ложитесь? Ради чужого кармана?

Один из рабочих — тот, что помоложе, с тросом — заметно притормозил и опустил руку. Слова капитана попали в цель. Деревенские мужики не были прирожденными бандитами, они просто приехали зарабатывать деньги и привыкли беспрекословно слушать бригадира и председателя.

— Ты мне тут людей не агитируй, начальник! — рявкнул Иван, и его ухмылка мгновенно слетела, сменившись тупой, животной злостью. — Нет здесь никакого Кравцова. Я твоему Семену еще вчера сказал: парень его баран малолетний. Поломал коробку на трелёвочнике, испугался, что из зарплаты вычтут, забрал шмотки и умотал на попутке в район. Всё! Катись отсюда в свою контору, пока мы тебе колеса на твоём уазике не порезали.

— Да неужели? — Андрей медленно вытащил из кармана левую руку и показал Ивану расколотый кнопочный телефон. — А это что? Мишкин телефон. Лежал прямо здесь, под гусеницей трактора. В грязи. Вместе со стикером, который ему мать на счастье наклеила. Человек, который уезжает в город, вещи свои и телефон в жидкую глину не выбрасывает.

Иван бросил быстрый, едва заметный взгляд на мужика с ломом. Тот выругался сквозь зубы и отвел глаза. Стало ясно: телефон они просто не заметили в темноте, когда избавлялись от парня или его вещей.

— Нашел какую-то херню в грязи и рад, — процедил Иван, но в его голосе впервые проскользнула фальшивая нота. Он за Нервничал. — Может, он его выронил, когда уходил. Короче, капитан. Вали отсюда. Добром просим. Мужики устали, нам завтра на смену. Не зли народ.

Андрей понял, что давить дальше прямо сейчас — значит спровоцировать драку. Обыскать делянку в одиночку под прицелом четырех злых мужиков он не сможет, а если его здесь

покалечат, то правду о Мишке Кравцове уже никто не узнает. Нужно было отступить, но делать это так, чтобы они почувствовали его силу, а не слабость.

Капитан расстегнул куртку, демонстративно положил ладонь на рукоять ПМ и сделал шаг вперед — прямо на Ивана. Зубов невольно качнулся назад, не ожидая такой наглости.

— Я уеду, Иван, — тихо, но так, что услышал каждый рабочий, произнес Андрей. — Но запомни: телефон я забираю с собой. Завтра утром этот вещественный доказ будет в районном отделе. Эксперты снимут с него отпечатки пальцев. И если на нем найдут твои или твоих подельников — разговор будет совсем другим. А делянку вашу я закрою. Лично приеду с проверкой из лесоохраны и налоговой. Передай своему дядьке, что шутки кончились.

Андрей развернулся спиной к трактору и твердым, уверенным шагом пошел по просеке к своей машине. Рабочие расступились, никто не посмел сделать движение в его сторону. Иван лишь смотрел ему вслед, тяжело дыша от бессильной ярости, а его кулаки в карманах дождевика судорожно сжимались.

Обратный путь и тяжелые думы

УАЗ завелся с пол-оборота. Андрей врубил дальний свет, разрезая мощными лучами вековую темноту тайги, резко развернулся на пяточке перед просекой и погнал машину обратно по разбитой колее. Капли дождя снова начали глухо стучать по брезентовому верху «козлика».

Всю дорогу до Берёзовки Андрей напряженно думал. Опыт опера подсказывал ему страшную, но единственно верную картину произошедшего. Мишка Кравцов обнаружил, что на делянке воруют вековой лес в обход закона. Возможно, он попытался сфотографировать на свой телефон документы или скрытые ведомости погрузки. Иван поймал его за этим делом. Завязалась драка. Мишка был парнем крепким, молодым, но против четверых выстоять не смог. Телефон растоптали в грязи, а самого парня...

Куда они могли его деть? Тайга огромная. Вокруг Берёзовки на сотни километров раскинулись непроходимые болота, старые заброшенные шахты и глухие чащобы. Если парня убили и прикопали в болоте — найти его без признательных показаний будет практически невозможно.

Но почему председатель так спокоен? Григорий Петрович — опытный, хитрый лис. Он знает, что пока нет тела — нет и дела. Человек просто числится пропавшим без вести, уехал в город, загулял. Через полгода дело закроют за давностью, и концы в воду.

Андрей крепче сжал руль, уазик подбросило на очередной глубокой выбоине.

«Нет, — зло подумал капитан, — я вам эту схему поломаю. Вы у меня за все ответите».

Ночной гость

В Берёзовку Андрей вернулся глубокой ночью, около трех часов. Деревня спала мертвым сном. Ни одного огонька в окнах, только собаки лениво потягивали на проезжающую машину.

Он заглушил двигатель у своего служебного дома, запер машину и устало поднялся на крыльцо. Внутри дома было еще тепло — кирпичная печь хорошо держала жар. Андрей скинул грязную куртку, прошел на кухню и зажег керосиновую лампу — электричество в Берёзовке на ночь часто отключали ради экономии.

Он достал из кармана разбитый телефон Мишки, положил его на стол под свет лампы и принялся внимательно осматривать. Корпус был расколот, аккумулятор вылетел. Андрей аккуратно снял заднюю крышку и замер.

Сим-карта была на месте, но рядом с ней, в маленьком пазу для карты памяти, ничего не было. Однако на самом пластиковом корпусе изнутри виднелись свежие, глубокие царапины, словно кто-то второпях пытался поддеть ногтем или ножом крохотную флешку.

Флеш-карты в телефоне не было. Значит, Мишка успел её спрятать до того, как его скрутили? Или Иван забрал её себе? Если Иван забрал флешку с компроматом, зачем он оставил сам телефон в грязи на делянке? Скорее всего, в суматохе ночной драки флешка либо выпала, либо парень успел вытащить её и куда-то перепрятать.

Вдруг в стекло кухонного окна негромко, но настойчиво постучали.

Андрей мгновенно погасил керосиновую лампу, погружая комнату во тьму, и плавно, без звука вытащил из кобуры пистолет, сняв его с предохранителя. Он подошел к окну сбоку, прижимаясь спиной к бревенчатой стене.

Стук повторился. Кратко, тремя прерывистыми ударами. Так стучат свои.

Андрей подошел к входной двери, отодвинул тяжелый засов и резко распахнул её, держа пистолет наготове.

На крыльце, тяжело дыша и кутаясь в мокрый платок, стояла Маша. Её лицо в ночной темноте казалось совсем белым, а глаза блестели от подступающих слез.

— Андрей Васильевич... Слава богу, вы вернулись, — выдохнула она, едва сдерживая рыдания. — Быстрее, пустите меня, пока никто не увидел.

Андрей схватил её за плечо, быстро затянул в сени и запер дверь.

— Маша, что случилось? Почему ты не дома? С матерью что-то?

— С мамой все хорошо, она спит, — Маша прошла в кухню, её руки тряслись так, что она едва могла говорить. — Полчаса назад к нашему дому подъехала машина. Не «Нива» председателя, а старый грузовик с пилорамы. Из него вышел Иван. Он был пьяный, злой. Стучал в окна, кричал, чтоб я выходила. Говорил, что если я к нему не вернусь, он мамин дом сожжет вместе с нами. А потом... потом он крикнул то, от чего мне страшно стало.

Андрей убрал пистолет в кобуру и внимательно посмотрел на девушку.

— Что он крикнул, Маша?

— Он кричал: «Твой мент городской думает, что он самый умный? Он на делянке телефон Мишки Нашел. Пусть подавится этой игрушкой. Мишка свой язык уже прикусил навсегда, и менту твоему недолго осталось. Дядька уже в район позвонил кому надо, завтра твоего капитана отсюда с треском вышвырнут, а самого в кутузку закроют за превышение!» Андрей Васильевич... Иван проговорился. Мишки больше нет в живых. Я знаю Ивана, он когда пьяный — всегда правду говорит, хвастается. Что нам теперь делать?

Андрей молча подошел к столу, где под тусклым светом луны, пробивающимся сквозь облака, лежал расколотый телефон. Пазл в его голове окончательно сложился. Председатель не просто покрывал племянника — он задействовал свои связи в районном руководстве, чтобы убрать неудобного участкового руками его же начальства. Завтра утром в Берёзовку приедет

проверка из района, и Андрея обвинят в незаконном обыске делянки, угрозах местным жителям и превышении полномочий.

Времени оставалось до утра. Ему нужно было найти тело Мишки Кравцова и флешку с доказательствами до того, как у него отберут удостоверение и табельное оружие.

Глава 5: Обратный отсчет

Кабинет заливала холодная предрассветная синева. Андрей быстро зажег керосиновую лампу, прикрыв ее плотной шторой, чтобы снаружи не было видно света. Время утекало сквозь пальцы: до рассвета оставалось не больше двух часов.

— Так, Маша, успокойся и слушай меня внимательно, — голос Андрея звучал собранно и чересчур спокойно, что подействовало на девушку трезво. — Иван сказал только про телефон? Про какую-нибудь флешку или флеш-карту он ничего не кричал?

Маша на секунду задумалась, вытирая мокрые от слез щеки.

— Нет... Про телефон только. Кричал, что вы игрушку какую-то в грязи нашли и теперь носитесь с ней. А про карточку — ни слова. Андрей Васильевич, а почему это важно?

Андрей взял в руки разобранный телефон Мишки и поднес к свету лампы.

— В телефоне стояла карта памяти. Но её вытащили. Причем вытаскивали второпях, на пластике остались свежие царапины. Если бы Иван её забрал, он бы телефон с собой унес или сжег вместе с вещами. Зачем оставлять аппарат под гусеницей? Значит, Иван с мужиками флешку не нашел. Мишка успел ее вытащить и где-то спрятать за секунды до того, как его скрутили.

— В лесу? На делянке? — тихо спросила Маша.

— Нет, — Андрей покачал головой, вспоминая детали. — Если парень понимал, что его идут бить или ловить, оставлять флешку в вагончике или бросать в грязь было глупо — найдут при расчистке. В записке бате он написал: *«Сфотографировал на телефон ведомости... Если не приеду в субботу — иди к...»* Записку он передал во вторник вечером через рабочего с пилорамы. Значит, флешку он вытащил тогда же, когда писал записку! И передал ли он её? Нет, Семен принес мне только бумажку.

Андрей прищурился, восстанавливая логическую цепочку.

— Маша, тот рабочий, который привез записку Семену... Кто он? Ты его знаешь?

— Это дядя Коля, Николай Петрович. Он на пилораме горбыль пилит, — сразу ответила Маша. — Он безобидный, старенький уже. Мишка к нему хорошо относился, мази от суставов ему из города привозил.

— Где живет Николай?

— На той стороне речки, у старого моста.

— Сиди здесь, — Андрей надел куртку, проверил запасную обойму к ПМ и убрал её в карман. — Запрись. Ко мне из района выедут с первыми лучами солнца. Григорий Петрович время терять не станет, он уже сфабриковал рапорт о том, что я ночью устраивал самосуд на его делянке. Если они приедут раньше, чем я найду улики, меня просто отстранят и забракууют все доказательства.

Старый рабочий

До дома Николая Андрей добрался пешком через огороды, избегая освещенной центральной улицы. Ночь тихо уступала место туманному, сырому утру.

Домик старого пилорамщика стоял у самой воды. Андрей аккуратно постучал в окно. Внутри долго копошились, затем за дверью послышался кашель и шарканье калош.

— Кто там? — проскрипел подозрительный голос.

— Понимаешь, Николай Петрович, полиция, — тихо сказал Андрей через щель. — Участковый Волков. Открывай, разговор есть про Мишку Кравцова.

Дверь отворилась мгновенно. На пороге стоял высохший, сгорбленный старик в засаленном тулупе. Его глаза впали, а руки тряслись.

— Вы... вы из-за Мишки? — зашептал старик, затягивая капитана в темные сени. — Ох, господи... Вся деревня гудит, что вы ночью с Иваном сцепились. Не жилец парень, да?

— Николай Петрович, давай без прискорбий. Времени нет вообще, — Андрей прижал старика взглядом. — Во вторник Мишка передал через тебя записку для отца. Что еще он тебе дал?

Старик судорожно сглотнул и попятился обратно в комнату.

— Ничего! Ей-богу, ничего, начальник! Только бумажечку эту... Сказал: «Дядь Коль, спрячь в пачку, дай бате лично в руки, чтоб никто не видел». Я и отдал!

— Не врубишься, дед, — жестко произнес Андрей, делая шаг вперед. — Мишку, скорее всего, убили. Иван Зубов ночью проговорился. И если ты сейчас будешь покрывать то, что он тебе оставил, ты пойдешь соучастником по уголовному делу. Понимаешь, что это значит? Под старость лет в тюрьму сядешь за укрывательство убийства!

Старик вздрогнул, закрыл лицо сморщенными, черными от вьевшегося мазута ладонями и тихо зарыдал.

— Не укрывал я! Боялся я, капитан! Григорий Петрович же узнает — с потрохами сожрет, из дома выставит! Мишка... Мишка прибежал ко мне к машине, когда я горбыль грузил. Сунул записку и маленький пластиковый квадратик. Сказал: «Дядь Коль, если батя к вам придет с участковым — отдай ему. Только участковому! Больше никому! Если батя один придет — не отдавай, а то убьют его». Капитан... Я ж ждал, когда Семен с участковым придет! А Семен один прибежал, плачет, руки ломает... Я и побоялся отдавать!

Старик подбежал к углу комнаты, где стояла старая икона, залез пальцами за деревянный оклад и вытащил крошечную, черную флеш-карту MicroSD.

Андрей бережно принял ее на ладонь. Сердце капитана забилося быстрее. Парень оказался умнее и прозорливее, чем думали его убийцы. Он знал структуру власти в деревне и предусмотрел такой вариант.

— Где парень, дед? Ты знаешь, куда они его дели? — спросил Андрей, пряча флешку в застегивающийся карман кителя.

— На делянке говорили... — старик перешел на леденящий шепот. — Во вторник ночью Иван с парнями приехал на пилораму. В кузове «КамАЗа» что-то лежало, накрытое брезентом. Они брали цемент и лопаты со склада. А потом уехали в сторону Старого Карьера. Там заброшенные затопленные штольни, где еще в шестидесятых песок копали. Глубоко там... метры воды.

Загадка Старого Карьера

В шесть утра на въезде в Берёзовку послышался гул моторов.

Андрей стоял у окна своего служебного кабинета. К зданию администрации подкатили две машины: знакомая «Нива» председателя и сине-белый полицейский УАЗ с районными номерами. Из УАЗа вышли трое: майор с тяжелым, оплывшим лицом (судя по всему, замнач РОВД по оперативной работе) и два молодых сержанта ППС с автоматами.

Григорий Петрович уже ждал их на крыльце, о чем-то оживленно беседуя с майором и указывая рукой в сторону дома участкового.

Андрей спокойно взял со стола фуражку, надел ее, проверил, на месте ли флешка и планшет с записями, и вышел на крыльцо.

— А вот и наш ретивый капитан! — громко, с наигранным сожалением произнес Григорий Петрович. — Как раз вовремя.

Майор из района подошел к Андрею, не протягивая руки. Его взгляд был строгим и брезгливым.

— Капитан Волков? Я подполковник... то есть майор Сидоров, замначальника отдела. На вас поступило официальное заявление от председателя сельского совета и работников лесозаготовительного предприятия. Ночной разбой, превышение служебных полномочий, угроза оружием гражданским лицам на объекте.

— О как, — усмехнулся Андрей. — Быстро же у вас рапорты ходят, майор. За три часа из района доехали по разбитой дороге.

— Ты мне зубы не заговаривай, Волков, — насупился майор. — Пистолет сдай. Ты отстранен от исполнения обязанностей до проведения служебной проверки. Поедешь с нами в район.

— Пистолет я сдам только по письменному приказу начальника УВД области, — отрезал Андрей. — А пока я действующий сотрудник. И у меня есть заявление о совершении особо тяжкого преступления — умышленного убийства гражданина Кравцова Михаила Семеновича.

Григорий Петрович даже не вздрогнул. Лишь уголок его губы брезгливо дернулся.

— Капитан совсем из ума выживает. Какое убийство? Парень уехал на заработки. Доказательства у тебя есть, фантазер? Или опять дулом махать будешь?

— Есть, — Андрей достал из кармана прозрачный полиэтиленовый пакетик, в котором лежала флеш-карта. — Здесь фотодокументы незаконной рубки леса в особо крупных размерах. Ведомости с личной подписью гражданина Зубова Ивана и печатями вашего сельсовета, Григорий Петрович. А также записи переговоров. Парень успел все снять до того, как ваш племянник и двое его подручных забили его до смерти и утопили в Старом Карьере вместе с цементными блоками.

На мгновение утренний воздух застыл.

Лицо майора Сидорова изменилось — он бросил быстрый, испуганный взгляд на председателя. А у того впервые за все время сползла вальяжная маска. На лбу Григория Петровича выступили мелкие капли пота. Он понял: флешка — это не слухи и не разбитый телефон. Это реальный, неопровержимый материальный улик, который нельзя просто так списать или выкинуть, когда о нем сказано при сержантах.

— Майор, — тихо произнес Андрей, поворачиваясь к районному начальнику. — Если вы сейчас попытаетесь меня заблокировать или замять это дело, я передам копии файлов напрямую в областное управление ФСБ и Следственный комитет. Сканеры и планшет у меня в машине. Выбирайте, майор: вы идете как соучастник банды лесных браконьеров и укрыватель убийства, или мы прямо сейчас берем водолазов из МЧС, едем на Старый Карьер и задерживаем Ивана Зубова.

Майор Сидоров тяжело задышал, переводя взгляд с белого как полотно председателя на капитана Волкова, чьи глаза горели такой холодной и упрямой уверенностью, что сомнений не оставалось: этот мент пойдет до самого конца.

— Где... где эта флешка была? — заикаясь, спросил майор.

— Это уже дело следователя СК, — отрезал Андрей. — Задерживайте председателя. Он — организатор преступной группы. Вторые экипажи из района уже вызваны? Или мне самому набрать область?

Майор Сидоров медленно повернулся к председателю сельсовета.

— Григорий Петрович... Проедемте в отдел. До выяснения.

— Ты че, Сидоров, с ума сошел?! — взревел председатель, отступая к своей «Ниве». — Да я тебя... да я звонить буду!

— Руки на капот, — сухо приказал майор, понимая, что карта председателя отыграна и спасать нужно собственную шкуру.

Финал первой битвы

К полудню на Старом Карьере уже работала следственно-оперативная группа из области и водолазная служба МЧС.

Андрей стоял на обрыве, глядя на темную, стоячую воду затопленного котлована. Рядом с ним, опершись на суховатое плечо отца, стояла Маша. Семен Кравцов молча смотрел в воду, и по его щекам беззвучно текли слезы.

Через час водолазы подняли из воды то, что искали. Чуда не произошло — жизненная реальность была суровой и безжалостной. Мишка Кравцов погиб как герой, не прогнувшись под местных хозяев жизни и сделав все, чтобы правда выплыла наружу.

Ивана Зубова и двоих рабочих с делянки брал уже областной СОБР прямо на пилораме. Они даже не успели оказать сопротивление. Иван, увидав спецназ и следователей из области, сразу сдуся, начал плакать и перекладывать всю вину на дядьку и своих поделльников.

Вечером Андрей вернулся в свой служебный домик.

Деревня Берёзова замерла, но это уже была другая тишина. Не глухая и враждебная, а ошеломленная. Люди выходили за ограды, провожали участкового уже совсем иными взглядами — в них читалось уважение и проблески надежды на то, что времена страха и безнаказанности заканчиваются.

Андрей затопил печь. Огонь весело гудел в дымоходе, разгоняя накопившийся холод. На столе стоял горячий чай.

На пороге появилась Маша. Она принесла свежий хлеб и крынку молока.

— Спасибо вам, Андрей Васильевич... От всех нас. От бати Мишкиного, от мамы, от деревни.

Андрей посмотрел на нее и устало улыбнулся:

— Не за что, Маша. Это просто моя работа. Настоящая работа.

Он знал, что впереди еще долгие судебные разбирательства, давление, попытки адвокатов председателя выкрутиться и сложная зима в глухом районе. Но главное было сделано: закон вернулся в Берёзовку. И капитан Волков был здесь для того, чтобы этот закон больше никто не смог перешагнуть.

Глава 6: Эхо в тайге

Осенний туман над Берёзовкой рассеялся только к середине следующей недели, уступив место первому, затяжному и по-настоящему холодному дождю. Вереница ведомственных машин из области наконец покинула деревню: следователи Следственного комитета закончили первичные осмотры, допросы и выемки документов в сельской администрации.

Григорий Петрович и его племянник Иван теперь сидели в изоляторе временного содержания в районе, ожидая предъявления обвинений в убийстве, совершённом группой лиц, и организации незаконной рубки леса в особо крупном размере.

Но тишина, накрывшая Берёзовку после отъезда областных чинов, не была спокойной. Это была тяжелая, натянутая тишина ожидания.

Андрей Волков сидел за своим обшарпанным столом в кабинете на первом этаже администрации. Из районного управления ему прислали новый журнал учета КУСП, упаковку канцелярских бумаг и официальное распоряжение — временно исполнять обязанности не только участкового, но и и.о. главы сельской администрации до назначения выборов или присылки и.о. из области.

Дверь в кабинет тихо скрипнула. На пороге стоял Семен Кравцов. Он сильно сдал за эти дни: осунулся, в волосах пробилась сплошная седина, а глаза казались потухшими.

— Проходи, Семен. Садись, — Андрей указал на стул. — Как Анна Сергеевна?

— Держится... Похоронили мы Мишку вчера. На старом кладбище, у сосен, — Кравцов тяжело опустился на стул, положив на колени старую кепку. — Вся деревня пришла, капитан. Даже те, кто раньше при виде Григория Петровича в чертополох прятался. Люди молчат, но всё понимают. Если бы не ты... лежал бы мой сын на дне Карьера, а я бы думал, что он сбежал.

— Как расследование? Следователь из области с тобой связывался? — спросил Андрей, пододвигая ближе папку с текущими делами.

— Звонили. Сказали, флеш-карта, что ты нашел, — главный козырь. Там все схемы зафиксированы: с кем Григорий лесовозы согласовывал, кому в районе деньги возил. Папку по лесу теперь областное УБЭП ведет. Но я за другим пришел, Андрей Васильевич...

Семен подался вперед, понизив голос до шепота:

— На пилораме люди гомонят. У Григория Петровича остался младший брат — Вадим. Он в районе живет, держит сеть автосервисов и пару лесопилок. Сам он человек скрытный, в деревне не показывается, но деньги у него большие. Вчера на пилораму приезжали его люди на двух черных джипах. Описывали имущество, вывозили какую-то документацию. А рабочим сказали: «Кто менту хоть слово лишнее скажет — сгорит вместе со своим домом». Иван с Григорием сели, но гидра-то осталась.

Андрей слушал молча, не меняясь в лице. Он прекрасно понимал: разгром одной вертушки не уничтожает автоматически всю криминальную цепочку, годами выстраиваемую вокруг лесного бизнеса. За спиной председателя стояли люди с гораздо большими ресурсами, чем у сельского чиновника.

— Понял тебя, Семен. Спасибо за информацию. Ты сам главное не лезь ни куда. Если увидишь чужих у своего дома или на пилораме — сразу ко мне.

Когда Кравцов ушел, Андрей встал, подошел к окну и приподнял края выцветшей шторы. На улице, у здания магазина, стоял темный «Лэнд Крузер» с заляпанными грязью номерами. Из машины никто не выходил, но двигатель работал на холостом ходу, выбрасывая в сырой воздух клубы пара. Наблюдают.

Наследство председателя

Ближе к обеду Андрей решил досконально осмотреть кабинет бывшего председателя. После обыска следователей там царил хаос: выдвинутые ящики, ворох ненужных бланков на столе. Однако профессиональное чутье опера подсказывало капитану, что следователи из области искали финансовые документы и следы рубки леса, но могли упустить из виду чисто бытовые деревенские мелочи.

Андрей подошел к тяжелому сейфу. Тот был распахнут настежь. Капитан опустился на корточки и посветил фонариком в глубокую нишу под нижней полкой. Там, между металлическим листом и задней стенкой, виднелся тонкий зазор. Андрей достал перочинный нож и аккуратно поддел фальшпанель.

С легким щелчком железо подалось. На пол выпала небольшая тетрадь в дерматиновом переплете и пухлый конверт.

В тетради аккуратным, мелким почерком Григория Петровича велся учет... местных жителей. Не лесозаготовок, а именно людей.

«Гусев П.Н. — долг за дрова 15 тыс. Взять подписку на выборах.»

«Михалыч (бывший участковый) — закрыл глаза на порубку в квартале 42. Выплачено 50 тыс. Разово.»

«Савельева А.С. (мать Маши) — отказать в социальной субсидии на лекарства. Держать на поводке через Ивана.»

Андрей перелистывал страницы, и перед ним разворачивалась жуткая картина тотального контроля. Григорий Петрович держал всю Берёзовку в узде не только страхом перед Иваном, но и финансовой удавкой, шантажом и травливанием людей между собой.

А в конверте лежали вырезки из районных газет десятилетней давности. Статьи о загадочном пожаре на старом деревообрабатывающем комбинате в районе, в результате которого погиб прежний директор, а все активы за бесценок отошли структуре Вадима Петровича — того самого младшего брата председателя.

Пазл расширился. Берёзовка была лишь мелким звеном в большой и жесткой системе.

Проверка на прочность

Вечером Андрей направился к дому Маши и её матери. Нужно было убедиться, что у них всё спокойно, да и передать кое-какие продукты из пайка, который ему наконец привезли из районного отдела.

Узкая деревенская улица была погружена во тьму — фонари после ареста председателя снова перестали гореть. Дождь перешел в мелкую морось.

Возле дома Савельевых Андрей заметил движение. У калитки стояли двое мужчин в темных кожаных куртках. Один из них пытался силой открыть засов на воротах, а второй удерживал Машу за руку, не давая ей кричать.

— Я тебе русским языком говорю, дура, — глухо рычал один из них. — Нам нужны бумаги, которые твой Иван дома держал! Где ключи от его сейфа?

— Нет у меня никаких ключей! Я с ним не жила! — вырывалась Маша.

Андрей действовал без предупредительных выстрелов и криков. Сократив дистанцию беззвучным шагом, он схватил крепкого мужика, державшего Машу, за воротник и с силой рванул на себя, одновременно нанося жесткий удар коленом в корпус. Тот с коротким стоном осел в грязь.

Второй мгновенно развернулся, вытаскивая из-за пояса тяжелый разводной ключ. Но Андрей не дал ему замахнуться: короткий прямой удар в челюсть снизу вверх ошеломил нападавшего, после чего капитан заломил ему руку за спину и впечатал лицом в деревянный забор.

— Спецприемник давно по вам скучает? — прошипел Андрей в ухо зафиксированному крепышу. — Документы! Кто такие?

— Слышь, мент,пусти... — задыхаясь, прохрипел тот. — Мы от Вадима Петровича. У нас поручение — забрали свое и уехали. Не лезь, боком выйдет.

— Вадиму Петровичу передай, — Андрей усиленным нажатием на сустав заставил налетчика пискнуть, — что в Берёзовке теперь работает закон. Любой его визитер без досмотра и официального вызова будет уезжать отсюда в КПЗ за разбой и нападение на гражданских. Уяснил?

Андрей выбил разводной ключ из рук мужика, толкнул его к первому, который уже поднялся с земли, держась за бок.

— Пошли вон. Машину вашу я запомнил. Еще раз увижу в деревне — расстреляю колеса на поражение при попытке к бегству.

Налётчики, не произнеся больше ни слова, подхватили друг друга и спешно ретировались в сторону темной «Нивы», стоявшей в переулке.

Разговор при свечах

Андрей завел испуганную Машу в дом. Анна Семеновна сидела на кровати, прижимая к груди старую двустолку — видимо, достала из нычки покойного мужа, но не успела воспользоваться.

— Андрей Васильевич... — Маша тяжело дышала, на её запястье остался синяк от крепкой хватки. — Они искали сейф Ивана. Но у него дома действительно ничего не было! Все документы Григорий Петрович забрал.

— Я знаю, Маша. Документы у меня, — Андрей усадил её на стул и проверил засов на двери. — Они искали не просто бумаги. Они пытаются подчистить концы до того, как областное УВД приедет с масштабной проверкой. Вадим Петрович боится, что брат на допросах начнет говорить, чтобы сбить себе срок.

Андрей достал из кармана тетрадь председателя и положил на стол.

— Берёзовка начинает очищаться, — спокойно произнес капитан, глядя на женщин. — Но легко не будет. Вадим просто так эти делянки и пилораму не отдаст. Нам нужно продержаться до пятницы — из области присылают постоянную следственную группу и отряд патрульно-постовой службы.

— А вы? — тихо спросила Маша, поднимая на него глаза. — Вы останетесь? Или вернетесь в город, когда всё закончится?

Андрей посмотрел в окно, за которым шумела тайга и капал дождь по крыше. Полгода назад он мечтал вернуть себе городскую должность оперуполномоченного, вырваться из этой глуши обратно к привычной жизни. Но сейчас, глядя на этих людей, переживших годы страха и беспорядка, он понял одну простую вещь.

— Мой приказ о назначении здесь — бессрочный, — ровным тоном ответил капитан Волков. — А работы в Берёзовке, кажется, хватит еще не на один год.

За окном в темноте ночи просигналила уезжающая машина налётчиков. Первая волна спала, но капитан знал: впереди была долгая, упорная работа по наведению порядка на этой суровой, затерянной в тайге земле.

Глава 7: Новая власть

Пятница началась с раннего гула тяжелых моторов. Дождь накопление сменился мелкой, колючей крупой, которая тут же таяла на раскисшей глине. В Берёзовку въехала колонна: два патрульных УАЗа с районными номерами, крытый тентованный «Урал» с областным отрядом ППС и скромный «Седан» следователя по особо важным делам.

Назначенный из области следователь — сухой, подтянутый майор по фамилии Чернов — долго молча разглядывал Андрея, сидя в его тесном кабинете. На столе перед Черновым лежала аккуратная стопка папок, собранных Волковым: тетрадь учетных записей председателя, изъятый у старого пилорамщика компромат, а также протоколы задержания двух ночных «гостей», которых Андрей прошлым вечером успел перехватить на выезде из деревни.

— Докладывал о тебе замнач УВД, — проговорил Чернов, не торопясь закуривая прямо в кабинете. — Сказал, что ты непробиваемый, как рельса. В городе тебя считали неудобным, потому и сослали сюда — думали, либо сдуешься и уволишься, либо прогнешься под местных. А ты тут за неделю целый районный синдикат разворошил.

— Нарушения закона были очевидными, майор, — ровно ответил Андрей, заваривая в эмалированных кружках крепкий чай. — Моя задача — реагировать.

— Очевидными они были для всех последние лет десять, — отрезал следователь. — Но реагировать набрался дерзости только ты. Ладно, к делу. Вадима Петровича — брата нашего арестованного председателя — сегодня утром взяли в его городском офисе. Ребята из УБЭП

зашли прямо во время уничтожения перфорированных ведомостей. Братья давать показания пока отказываются, надеются на адвокатов. Но материалов, которые ты собрал вместе с флешкой погибшего парня, хватит, чтобы закрыть их надолго.

Чернов глотнул горячего чая и посмотрел в окно, где на площади возле администрации выстраивались прибывшие сотрудники патрульной службы.

— Теперь о тебе, Волков. Начальник главка подписал приказ. Тебе в усиление временно оставляем четверых сотрудников ППС и один УАЗ. Пилораму и деланки опечатываем до решения суда. На тебе — полная охрана порядка в районе и работа с населением. Справишься?

— Справлюсь, — коротко кивнул Андрей.

Приемный день

Первый день после отъезда следственной группы показал Андрею, насколько сильно изменилось отношение местных жителей.

До сих пор люди обходили служебный домик участкового стороной, опасаясь, что любой визит к «городскому менту» станет известен председателю или Ивану. Но теперь к крыльцу администрации выстроилась настоящая очередь.

Первым вошел старый кузнец Пётр — тот самый, что отдавал Андрею аккумулятор для уазика. Он переминался с ноги на ногу, держа в руках засаленный картуз.

— Андрей Васильевич... Я тут это... — кузнец полошел к столу и выложил на него две свернутые в трубочку бумаги. — Это расписки. Григорий Петрович из меня три года жилы тянул. Заставлял бесплатно технику пилорамы чинить за то, что у меня земля под мастерской якобы не оформлена. Посмотришь?

— Оставь, Пётр. Оформим заявление о вымогательстве, — ответил Андрей, внося запись в журнал КУСП. — И насчет мастерской не переживай. Подготовим документы в районную администрацию, оформим все по закону.

За кузнецом пошли другие. Бабка Марфа принесла жалобу на незаконный захват участка земли соседом-бригадиром; двое рабочих с пилорамы пришли узнать, выплатят ли им задолженность по зарплате за прошлый месяц; а местный фельдшер впервые за долгое время принес реальные медицинские освидетельствования старых побоев, о которых раньше боялся даже заикаться.

Андрей работал без перерыва до самого вечера. Он писал протоколы, объяснял статьи закона, давал юридические советы. Впервые за годы существования Берёзовки кабинет участкового стал не местом страха, а местом, где можно было добиться справедливости.

Разговор на окраине

Темнело. Колючий снег с дождем прекратился, и над тайгой подморозило. Грязь на деревенских улицах схватилась твердой, звонкой коркой.

Андрей закончил работу около девяти вечера. Накинув куртку, он решил пройтись до дома Савельевых.

Улица была тихой. Возле дома Кравцовых горел свет в окнах: Семен вместе с двумя соседскими мужиками чинил покосившийся забор. Увидев капитана, Семен молча поднял руку в знаке приветствия — без слов, просто и по-человечески.

У дома Маши было тепло и прибрано. Из трубы шел густой белый дым, а на крыльце висел новый, ярко горящий фонарь, который день назад установил кузнец Пётр.

Маша встретила Андрея на пороге. На ней был простой вязаный свитер, а на лице впервые за все эти дни не было видно испуга — только тихая, глубокая усталость и спокойствие.

— Проходите, Андрей Васильевич. Чай только что скипел, — улыбнулась она, отступая в сени.

— Я ненадолго, Маша, — Андрей прошел в комнату, снял фуражку. — Зашел проверить, все ли у вас в порядке. На улице подморозило, патрульные наши каждые два часа по деревне проезжают. Если что — сразу к ним.

— У нас всё хорошо, — тихо ответила Анна Семеновна с кровати. Она уже могла немного сидеть без посторонней помощи. — Впервые за столько лет спали спокойно всей ночью. Не ждали, что кто-то в ворота ногами бить начнет.

Маша налила в кружку душистый чай с чабрецом и поставила перед капитаном.

— Андрей Васильевич... А что теперь будет с пилорамой? Мужики в деревне переживают. Семьи кормить надо, а работу закрыли.

— Пилораму передадут под управление районного муниципального фонда, — ответил Андрей, согревая ладони о кружку. — Назначат нового, нормального директора из района. Людей вернут на работы, только теперь все соглашения будут официальными — с трудовыми книжками, белой зарплатой и нормальной техникой безопасности. Завтра из области приедет представитель комиссии, мы соберем сход жителей в клубе.

Маша посмотрела на него долгим, внимательным взглядом.

— Вы за эти две недели сделали больше, чем все власти за двадцать лет.

— Я просто сделал то, что должен был сделать любой на моем месте, — ответил Андрей.

На страже

Поздно ночью Андрей вернулся в свой служебный домик. В печи тихо потрескивали дрова, растопленные еще вечером. На столе лежал новенький табельный планшет, рабочий журнал и рация, которая периодически пошипевала сквозь статику: *«Первый, я Второй, на объекте "Пилорама" всё спокойно, без происшествий»*.

Капитан Волков подошел к окну. За стеклом простиралась огромная, суровая, заснеженная тайга. Где-то там, за десятками километров непроходимых лесов, остался шумный город с его интригами и кабинетами.

Здесь, в Берёзовке, жизнь была простой и жесткой. Здесь каждый поступок был на виду, а цена ошибки или трусости обходилась слишком дорого. Но именно здесь Андрей почувствовал, что находится на своем месте.

Первая глава его службы в этой глуши закончилась. Порядок был восстановлен, преступники понесли наказание, а люди снова поверили в закон. Но капитан знал: впереди суровая зима, и березовская земля еще не раз проверит его на прочность.

Глава 8: Сход и смута

Субботнее утро выдалось морозным и ясным. Грязь на улицах Берёзовки за ночь промёрзла насквозь, превратившись в каменные рытвины, а лужи покрылись хрупким ледком. К десяти часам утра к деревенскому клубу — старой постройке с облупившейся краской и резными наличниками — стал сходиться народ.

Люди шли семьями, молчаливо, оглядываясь на стоящий у входа патрульный УАЗ. Для Берёзовки это событие было невиданным: за последние пятнадцать лет все решения принимались единолично в кабинете председателя, а сходы жителей собирались разве что для формального галочки.

Андрей Волков пришел заранее. Вместе с ним прибыл представитель районной администрации — сухощавый, подтянутый мужчина средних лет в строгом пальто, по фамилии Ковалев.

Зал клуба, растопленный старой чугунной буржуйкой, быстро заполнился до отказа. Мужики в тяжелых фуфайках жмакали в руках шапки, женщины шептались на задних рядах. В воздухе висело острое напряжение: радость от ареста верхушки смешивалась со страхом перед неизвестностью.

Андрей поднялся на небольшую сцену. В зале мгновенно установилась звенящая тишина.

— Здорово живете, берёзовцы, — спокойно начал Андрей. — Скажу сразу и по делу. Григорий Петрович и Иван Зубов под арестом. Им предъявлены тяжелые статьи. Назад они не вернутся. Но жизненные вопросы деревни решать надо прямо сейчас.

Из третьего ряда поднялся коренастый мужик — бригадир лесопилки Василий, прозванный в деревне Хмурым за вечно недовольный вид.

— Ты, капитан, дело сделал, спору нет! — громко пробасил он, и зал замер. — Ивана за Мишку Кравцова поделом закрыли, туда ему и дорога. Но ты скажи: нам-то как жить? Пилорама опечатана. Лес не пилится, погрузки стоят. Чем семьи кормить? Скоро зима, заготовку останавливать нельзя!

По залу прошел гул одобрения. Люди подались вперед.

Представитель администрации Ковалев шагнул к микрофону, поправляя очки:

— Граждане, спокойнее! Пилорама переходит во временное управление районного муниципального фонда. В течение двух недель мы назначим временного управляющего, проведем ауди...

— Две недели?! — перебил его Хмурый, делая шаг в проход. — Да у нас через две недели река встанет, лесовозы по просеке не пройдут! У нас контракты с районом на дрова для школы и больницы! Кто за солярку платить будет? Кто зарплату за прошлый месяц выдаст, а, городской?

Зал зашумел сильнее. Председательский уклад хоть и был грабежом, но обеспечивал понятную, пусть и рабскую, стабильность. Теперь же перед людьми замаячила неизвестность.

Андрей поднял руку, гася поднимающуюся волну:

— Тишина в зале!

Шум затих. Андрей посмотрел прямо в глаза бригадиру:

— Зарплатную ведомость за прошлый месяц я вчера изъясил из сейфа председателя. Деньги на наличный расчет лежали в кассе сельсовета — Григорий их крутить собирался. Сегодня с двух часов дня вместе с бухгалтером районного отдела мы начнем выдачу задолженности по паспортам. Каждому рубль в рубль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.